

Т.Б. Длугач

О НЕКОТОРЫХ СТРАННЫХ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯХ В ПЕРВОЙ «КРИТИКЕ» КАНТА

Длугач Тамара Борисовна – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: dlugatsch@yandex.ru

Автор останавливает внимание на недостаточно разъясненных местах первой «Критики» Канта. Одно касается задачи синтеза; известно, что для того, чтобы получить предмет познания, надо объединить все ощущения. Это осуществляет синтез. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что синтез – это не что иное, как продуктивная сила воображения. По мысли автора статьи, она представляет собой своеобразно осмысленный Кантом мысленный эксперимент, сложившийся в науке в середине XVII века. Дальнейшее рассмотрение показывает, что продуктивное воображение по сути дела сводится к мысленному построению предмета; только благодаря этому мы предмет и понимаем. Однако, чтобы построить предмет, надо его знать, а чтобы знать, надо построить. Этот логический круг Кантом не разрешен. Далее, действие продуктивного воображения = построения происходит при создании предмета чистого чувственного созерцания. В статье доказывается, что он есть не что иное, как «всеобщий предмет», т. е. образец для всех единичных чувственных образцов. Мысленное построение такого предмета представляет собой схему, т. е. построение предмета по самым существенным точкам его существования. В таком всеобщем предмете выражена сущность предмета как предмета познания. Наконец, отношение *a priori* к особому ощущению как интенсивной величине связано с желанием Канта представить предмет познания как предмет внутри мысли, хотя и не совпадающий с ней. Однако для Канта приемлем лишь противоположный подход, когда мысленный предмет выступает только как слепок с извне действующей вещи, то есть как явление. Все же Кант намечает и другое решение, присущее ряду мыслителей его времени. Кант не развивает его, поскольку его вполне удовлетворяет собственное представление, когда мысленное пространство оказывается полностью заполненным всеми мысленными элементами – чистым чувственным предметом, понятиями, категориями. Он лишь обозначает его. Кант, таким образом, дает совершенно оригинальный подход к процессу познания. Автор статьи показывает, что влияние Канта прослеживается и в наше время; анализ этого влияния предполагает выяснение понятия мысленного предмета, а также уточнение характеристик извне действующей вещи.

Ключевые слова: ощущение, продуктивное воображение, построение, схема, аффицирование, интенсивное, экстенсивное, априорное, предмет познания

Для цитирования: Длугач Т.Б. О некоторых странных предположениях в первой «Критике» Канта // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 2. С. 48–63.

Главные понятия и основные принципы кантовской философии хорошо известны специалистам. Но в глубинах кантовского текста иногда скрываются такие предположения, которые могут показаться странными и даже нарушающими замысел первой «Критики». Попытаться объяснить их – задача автора данной статьи. Но прежде надо сделать одно существенное замечание, позволяющее точнее определить место Канта в когорте европейских знаменитостей XVIII века. Оно касается отношения великого мыслителя к науке Нового времени.

По верному определению известного российского философа В.С. Библера, вся философия Нового времени, начиная с конца XVI века, была наукоучением¹. Это означает, что философия этого периода ориентировалась на возникшую новую науку, считала ее образцом разумного изучения всех явлений природы, заимствовала некоторые ее принципы и методы, а иногда даже ее логику.

Беспорный научный герой – Исаак Ньютон. Появление его труда «Математические начала натуральной философии» (1687) считается годом рождения новоевропейской науки. Наука в лице Ньютона излагает свое кредо: надо выявить несколько бесспорных оснований знания и дедуктивным путем сделать из них все возможные выводы. Теоретическая модель предмета познания, возникающая на этом пути, и есть предмет познания.

Все свойства познаваемого предмета открываются на пути дедуктивного исследования, и самыми важными являются его пространственно-временные характеристики, присущие всем изучаемым объектам. Вот эти всеобщие характеристики были заимствованы Кантом у Ньютона и во многом определили образование его системы.

В то же время Кант показал, чем философское изучение отличается от научного: если естествоиспытатель не интересуется, каков реальный изучаемый объект, удовлетворяясь теоретической его моделью (во всяком случае, до 60-х гг. XX в.), то философ всегда ставит вопрос об их соотношении. За ним для него скрыт вопрос об отношении мышления к бытию. Кроме того, философ не довольствуется одним лишь дедуктивным движением мысли в ходе исследования; он ищет и находит другие пути, ведущие к теоретическому знанию.

Размышление над ньютоновскими идеями направило мысль Канта в сторону различения изучаемых предметов на вещи сами по себе и явления; что же касается дедукции, то здесь дело обстоит не менее сложно. И трудность была обусловлена включением в теорию познания научного эксперимента.

Специалистам известно, какое место в «Предисловии ко второму изданию» первой «Критики» занимает упоминание научных экспериментов. Они позволили Канту предположить, что разум не только черпает законы из природы, но и дает их ей. Речь шла не только о реальных, но и о мысленных экспериментах.

Исторический анализ позволяет представить дело следующим образом: к концу XVI – началу XVII века формирующаяся наука создала такое всеевропейское научное сообщество, как Республика ученых². Оно охватывало ученых и философов всех европейских стран: в него входили Лейбниц

¹ См.: Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М., 1991.

² См. по этому вопросу: Длугач Т.Б., Ляткер А.Я. La République des Lettres и натуральная философия Исаака Ньютона // Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 292–317.

и Чирнауз, Р. Бэкон и Ньютон, Мальбранш и Бернулли, да и вообще все живущие в это время ученые умы. Они свободно переезжали из страны в страну, делали доклады на совместных конференциях (Лондонское Королевское общество было официально учреждено в 1662 году, а французская Академия наук – в 1666) и, главное, писали друг другу письма. Переписка этого времени занимает целые тома.

Те, кто не мог приехать лично, сообщали коллегам о своих успехах (и неудачах), описывая опыты. И в таких «ученых письмах» с экспериментом происходили удивительные превращения: автор не мог рассчитывать на непосредственное восприятие, и ему требовалось воображение. Описание экспериментов дополнялось схемами, чертежами, сокращениями; так появился мысленный эксперимент. Он стал дополнением эксперименту реальному, и у него появились такие удивительные черты, какие не были присущи последнему: например, всеобщность. Предмет эксперимента выступал здесь не в единичном, а во всеобщем виде, как вода вообще, треугольник вообще, движение вообще, инерция вообще и т. д. Такое понимание было необходимо, и, строго говоря, ученые начали бы переписываться, даже если бы они находились в одной комнате, так как без этого не смог бы сложиться мысленный эксперимент.

Эксперимент был изобретением науки Нового времени, а мысленный эксперимент – детищем Республики ученых. Именно в раздумьях над мысленным экспериментом сложилась у Канта идея об активности мышления в виде продуктивной силы воображения. Но начнем с ощущений.

Они, по Канту, – начало познания и поступают от самого предмета, когда тот воздействует на нас. Но хотя воздействие идет от самого предмета, ощущения не показывают его действительных свойств: ведь они суть преломление его свойств через *наше* восприятие. Ощущения и объединяют, и одновременно разделяют объект и субъект. И поскольку дело касается субъективного момента, речь может идти о некоторых искажениях объективного материала. Каково само по себе объективное, мы не знаем, а знаем лишь его восприятие. Так мы получаем явление; предмет сам по себе *является* нам; в форме явления мы его только и знаем, тогда как он сам остается вещью в себе, или вещью самой по себе. Это хорошо известные вещи.

Следующий шаг познания состоит в том, что, получив множество подобных впечатлений-ощущений, мы должны их объединить, т. е. включить ощущения тепла, формы, цвета и т. п. в один предмет. Кант говорит о синтезе, и на первый взгляд это – пространство и время. Но это не совсем так. Пространство и время – как бы общие для всех воспринимаемых предметов рамки, в которые предметы помещаются, когда они уже даны, но сначала ощущения надо объединить, чтобы получить этот предмет. Делает это способность человека синтезировать ощущения, и, согласно Канту, синтез есть не что иное, как способность воображения.

Понятия синтеза и продуктивного воображения, вероятно, доставили Канту немало забот, ведь сначала он предположил, что предметы *даются*, а как же можно сказать, что они «*даются*», если их свойства «*соединяются*», «*объединяются*» в одно целое, в один предмет восприятия, т. е. предметы создаются. Предмет выступает тогда не как данный, а как созданный.

Объединять же первая наша способность – чувственная – не может, она пассивна. Объединение осуществляет рассудок, будучи активным. Тогда получается нечто сложное: синтез, т. е. продуктивное воображение, – это действие рассудка, второй человеческой способности, но не в своей собственной рассудочной области, а в чувственной, это первое действие рассудка

на чувственность. «Синтез вообще... есть исключительно действие способности воображения, слепой, хотя и необходимой функции души; без этой функции мы не имели бы никакого познания, хотя мы и редко осознаем ее»³.

Итак, первое, что дано нам для познания, – это *многообразное* в созерцании; второе – *синтез* этого многообразного посредством способности воображения. Хотя это еще не дает познания. Познание возникает, когда созданный силой воображения предмет соединяется с понятием о нем. Значит, многообразие (ощущений), их синтез и их понятие – вот что составляет начала знания.

Без синтеза ощущений нет предмета, объединить их – задача познающего субъекта; «спонтанность нашего мышления требует, чтобы это многообразие (ощущений. – Т.Д.) прежде всего было каким-то образом просмотрено, воспринято и связано для получения из него познания. Такое действие я называю синтезом»⁴. Кант утверждает: «...именно синтез есть то, что, собственно, из элементов составляет познания и объединяет их в определенное содержание... Синтез вообще... есть исключительно действие способности воображения, слепой, хотя и необходимой функции души»⁵. Мы видим, что Кант отождествляет синтез и способность воображения. Непонятно, правда, почему он называет эту силу слепой: во-первых, именно благодаря ей возникает предмет: это фигурный синтез, так как благодаря ему возникает фигура – предмет познания. А во-вторых, она – рассудочная сила, хотя и действует в сфере чувственности.

Вновь и вновь Кант доказывает, что объединять ощущения – не дело чувственности; она пассивна, а синтез – «акт спонтанности способности воображения, а так как эту способность в отличие от чувственности надо называть рассудком, то всякая связь – сознаем мы ее или нет, ...есть действие рассудка, которое мы обозначаем общим названием *синтеза*, чтобы этим также отметить, что мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связали сами; среди всех представлений *связь* есть единственное, что не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо (установление связи) есть акт его самодеятельности»⁶.

Из этих пояснений ясно, что Кант не стоит на позициях сенсуализма, хотя исходит из чувственных впечатлений. Ведь сенсуалист убежден в том, что коль скоро в чувственности появляется предмет, то он и есть понимание (понятие) этого предмета. Понятие и есть представление о предмете, как полагал, например, Локк.

Но Кант и не рационалист; ведь рационалисты, например Лейбниц, считали, что именно понятие указывает на то, как надо воспринимать ощущения – как предмет, обозначаемый этим понятием. Более четко это выразил Гегель, объявив, что предмет должен соответствовать своему понятию, именно в нем выражена сущность предмета, а значит, то, что он есть.

У Канта не так и не эдак: он исходит из того, что мышление есть *отношение* мысли к предмету, и если нет предмета, то нет отношения, и нет мышления. Предмет дан в чувственности; но ведь он в известной мере определен рассудком. Вероятно, как уже было замечено, это убеждение

³ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. II. Ч. 1. М., 2006. С. 171.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Там же. С. 171.

⁶ Там же. С. 201. Способность воображения у Канта впервые исключительно интересно проанализировал Ю.М. Бородай в книге «Воображение и теория познания» (М., 1966).

представляло для Канта определенную трудность. Но, наверное, он махнул рукой и оставил за рассудком возможность включиться в дело чувственности. Ведь и в самом деле нельзя совершенно оторвать рассудок от чувственности, пусть будет малая толика его участия в ней!

Правда, махать рукой ему пришлось не раз: при ближайшем рассмотрении оказалось, что синтез, он же продуктивное воображение, является... созданием (построением) предмета. Парадокс в том, что несмотря на то, что предмет в чувственности *дан*, он дан только тогда, когда... *построен, задан*. «Мы не можем мыслить линию, не *проводя* ее мысленно (и реально тоже. – *Т.Д.*), не можем мыслить окружность, не *описывая* ее, не можем представить себе три измерения пространства, не *проводя* из одной точки трех перпендикулярных друг другу линий, и даже время мы можем мыслить не иначе, как обращая внимание при *проведении* прямой линии (которая должна быть внешне фигурным представлением о времени)... Даже само понятие о последовательности порождается прежде всего движением как действием субъекта...»⁷

Итак на первый план познания выходит «практическая», духовно-практическая деятельность по созданию изучаемого предмета. Если предмет не выстроен, он и не дан. Однако здесь возникает еще одна трудность в связи с тем, что предмет нельзя познать, не построив его, но как построить, если я его еще не знаю? Кант не разрубает этот логический круг. Но построение, или деятельность воображения, в дальнейшем начинает играть еще более важную роль.

Если как будто нет никакой трудности в объяснении того, как обычные понятия присоединяются к чувственным предметам – круглая тарелка вполне описывается понятием круглого, – то вопрос о том, как присоединяется чистое рассудочное понятие, например, причины к явлению например, дереву, остается без ответа. Чистые понятия, категории потому и являются чистыми, что они не заимствованы из опыта, а сами определяют опыт (знание). Существуют ли они в уме, присущи ли они ему от рождения? Да, согласно Канту, существуют, но это вовсе не означает никакого произвола субъекта: «В самом деле, к примеру понятие причины, выражающее необходимость того или иного следствия при данном условии, было бы ложным, если бы оно основывалось только на произвольной, заложенной в нас субъективной необходимости связывать те или иные эмпирические представления по такому же правилу отношения»⁸. Кант же считает категории закономерными, т. е. не произвольными, а строго объективными, формирующими знание структурами, требующими для своего применения способности суждения и опять-таки, как увидим, способности воображения.

Первая заключается в подведении частного под общее; в данном случае в подведении явления под категорию. Но как это сделать, если между ними нет ничего общего? Как думает Кант, надо это общее все же найти. Есть ли оно, и если есть, что собой представляет? Кант дает пояснение: «...ясно, что должно существовать нечто третье, однородное, с одной стороны, с категориями, а с другой – с явлениями, делающее возможным применение категорий к явлениям. Это опосредующее представление должно быть чистым (не заключающим в себе ничего эмпирического) и тем не менее,

⁷ Кант И. Указ. соч. С. 229.

⁸ Там же. С. 245.

с одной стороны, интеллектуальным, а с другой – чувственным»⁹. «Понятию о треугольнике вообще (вот оно, это опосредующее представление – треугольник вообще. – Т.Д.) не соответствовал бы никакой образ треугольника. В самом деле, образ всегда ограничивался бы только частью этого понятия и никогда не достигал бы всеобщности понятия, благодаря которой понятие приложимо ко всем треугольникам – прямоугольным, остроугольным и т. п. Схема треугольника не может существовать нигде, кроме как в мысли, и означает правило синтеза способности воображения в отношении чистых фигур в пространстве»¹⁰. То, что продуктивное воображение производит не только явление как единичный предмет, но и еще какой-то иной предмет, сначала вызывает недоумение. То, что этот предмет нужен, доказывается тем, что знание о нем включено в процесс познания, и им является чистое чувственное понятие, как говорит Кант. Что такое чистое понятие, мы знаем – это категория. Но что такое чистое чувственное понятие? Кроме того, этот особый предмет возникает благодаря деятельности воображения, но также особой – она не исходит из ощущений. Что же это за предмет и зачем он нужен? Нужен, как выяснилось ранее, чтобы навести мосты между явлениями и категориями, а на то, что он такое, Кант намекает, говоря об *общем* треугольнике и, еще точнее, о *числе вообще*. Число вообще получается, в отличие от конкретного числа, посредством бесконечного присоединения единицы, так что мы имеем здесь не предмет, а скорее *способ получения* предмета. Иными словами, речь идет о *всеобщем* предмете. Так как он не единичный, не конкретный, а всеобщий, означает, что он – чистый. Но в то же время он – чувственный, так как дело касается все же предмета. И опять-таки Кант говорит о способе получения такого предмета – он называет его схемой. И пояснений на эту тему, если читать внимательно, много: Кант говорит о доме, о столе и даже о... собаке. Мы создаем такой предмет мысленно, рисуя его в воображении. Причем рисуем, исходя из его необходимости для нас. Так, дом нужен человеку для защиты от непогоды, поэтому мы рисуем его стены, крышу, пол, двери, а в треугольнике – две стороны и гипотенузу. Рисуем схематично. Заметим, что Кант не случайно употребляет здесь это слово. И точно так же не случайно говорит о том, что в основе чистых чувственных понятий лежат не образы, а схемы. Потому что образ – это вид единичного предмета, а схема – изображение (?) всеобщего предмета (который существует только в мысли). Он существует только в мысли, и тем не менее он совершенно необходим в познании, так как без него нельзя соединить явление с категорией.

Изобретение такого всеобщего предмета Кантом равносильно изобретению идеи Платоном. Они оба поняли, что в уме человека в процессе познания наряду с пониманием единичного предмета возникает понимание всеобщего предмета, служащего образцом для всех предметов данного класса. И что именно он – ключ к пониманию единичных объектов. Почему это так, неясно, но это так.

Всеобщий предмет возникает на пути действия воображения, но только не эмпирического, а чистого. Что же представляет собой такое воображение? Это мысленный эксперимент, мысленное построение предмета, которое по сути дела есть духовно-практическая деятельность внутри познания. Становится понятным, почему Кант такую огромную роль приписывал

⁹ Кант И. Указ. соч. С. 257.

¹⁰ Там же. С. 259.

математике – ведь именно в ней находятся фигуры, которые чувственны, но всеобщи, т. е. не заимствованы из эмпирии, а существуют и создаются только в уме. Правда, постепенно выясняется, что они есть не только в математике: вспомним, что Кант говорит о доме вообще, о собаке вообще. Да можно сказать, что любой единичный предмет имеет свою всеобщую модель. И Кант это видит, хотя с грустью замечает, что угадать и открыть такую способность у природы вряд ли когда-нибудь удастся.

И действительно, почему вместе с пониманием единичного предмета у человека всегда возникает понимание всеобщего его образца, неизвестно. Почему у ребенка понимание того, что такое стол, возникает не благодаря его действию со многими столами посредством индукции, а сразу, даже если он имеет дело только с одним-единственным столом (что доказывал в 60-е годы тогда еще аспирант В.В. Давыдов)? Это неизвестно, но всеобщее знание появляется, и появляется благодаря схеме. Схема, говорит Кант, есть как бы продукт и монограмма чистой способности воображения а priori: «Прежде всего благодаря схеме и сообразно ей становятся возможными образы, ... но сами по себе они совпадают с понятиями не полностью»¹¹. Я «как бы рисую очертания дома сообразно этому синтетическому единству многообразного в пространстве»¹². И понятие о собаке также «означает правило», согласно которому «моя способность воображения может нарисовать облик четвероногого животного в самом общем виде, не будучи ограниченным каким-либо единичным частным обликом, данным в опыте...»¹³ – так, как будто мы собаку на самом деле создали.

Противники принципа продуктивного воображения уверяют, что самому Канту схематизм был не очень понятен, поэтому он сократил в «Критике» эту часть. Нет, не сократил, но даже если бы это было так, он ведь не сократил раздел «О методе», где речь идет о *конструировании*, а оно по сути дела и есть созидание (во всеобщем виде) какого-либо, в данном случае – математического – предмета.

И хотя Кант подчеркивает, что здесь дело касается *математического* познания, тот факт, что и к нему он прилагает понятие *схемы*, также говорит о всеобщем предмете. «Конструировать понятие – значит показать а priori соответствующее ему созерцание. Следовательно, для конструирования понятия требуется *эмпирическое же* созерцание, которое, стало быть, как созерцание есть *единичный* объект, но тем не менее, будучи конструированием понятия (общего представления), должно выразить в представлении всеобщую значимость для всех возможных созерцаний, подходящих под одно и то же понятие»¹⁴.

Обратим внимание на то, что в данном случае для Канта конструирование *понятия* есть по сути дела конструирование *предмета* этого понятия а priori, т. е. чистого чувственного предмета лишь в качестве его схемы, который «должен мыслиться как определяемый всеобщим образом»¹⁵. Кант фактически уже доказал, что чистый чувственный предмет воспроизводится в познании не только в науке, но и в обыденном знании. А priori служит доказательством *чистоты*, т. е. *всеобщности*.

¹¹ Кант И. Указ. соч. С. 261.

¹² Там же. С. 239.

¹³ Там же. С. 259.

¹⁴ Там же. С. 907.

¹⁵ Там же.

Я строю предмет лишь в воображении, в чистом созерцании или потом также на бумаге, пишет Кант, но в том и в другом случае совершенно а priori, не черпая для этого образцов ни из какого опыта. «Единичная нарисованная фигура эмпирична (треугольник вообще. – Т.Д.), но тем не менее служит для выражения понятия без ущерба для его всеобщности, так как в этом эмпирическом созерцании я всегда имею в виду только действие по конструированию понятия...»¹⁶

Еще раз: понятно, почему для Канта именно математика – пример получения всеобщего предмета: потому что она как будто не обременена чувственным конкретным материалом. Но это не так: и в ней существуют прямоугольные и другие *единичные* треугольники, точно так же, как в обыденном сознании наличествуют вода *вообще*, дерево *вообще* и т. д.

«Конструировать понятие – значит показать а priori соответствующее ему созерцание»¹⁷. Сконструированные предметы, как математические, так и другие, всегда оказываются не только единичными, но и всеобщими. И даже если речь идет об остроугольном треугольнике, есть всеобщий треугольник, соответствующий всем остроугольным треугольникам. В математике главным является конструирование, поскольку чувственность, хотя и имеется, но только в форме такого всеобщего образа (схемы), т. е. дана в чистом созерцании а priori, без всяких эмпирических данных. Значит, математическое знание рассматривает всеобщее в особенном, а философское – особенное только во всеобщем. Коническую фигуру в математике мы можем создать, просто исходя из понятия, а вовсе не из опыта, т. е. минуя эмпирию.

Философ не может извлечь из понятия треугольника никаких его свойств; математик же, строя треугольник, открывает все его свойства. Математика, следовательно, исходит из чистого созерцания, а философия – из эмпирического. «Второй же прием – это математическое, в данном случае геометрическое конструирование, посредством которого я в чистом созерцании, точно так же, как в эмпирическом, ввожу в действие также многообразное, относящееся к схеме (! – Т.Д.) треугольника вообще, стало быть, относящееся к его понятию, благодаря чему должны, без сомнения, получаться общие синтетические положения»¹⁸.

Правда, Кант тут же оговаривается, и на это мы должны обратить особое внимание, что и философии присуще конструирование, и конструируется... вещь сама по себе. Ведь в этом случае мы не имеем эмпирического созерцания, более того, не имеем даже чистого созерцания, а исходим из чисто логического (в духе трансцендентальной логики) предположения о существовании чего-то за пределами разума. «Существует, правда, трансцендентальный синтез из одних лишь понятий, который опять-таки удастся только философу, но он касается лишь вещи вообще, при наличии которой восприятие ее может принадлежать лишь к возможному опыту. Но в математических проблемах речь идет не об этом и вообще не о существовании, а о свойствах предметов самих по себе, лишь поскольку они связаны с их понятием»¹⁹.

Таким образом, Кант отдает и философии конструирование, а заодно подчеркивает отличие философии от математики, поскольку в математике

¹⁶ Кант И. Указ. соч. С. 907.

¹⁷ Там же. С. 905.

¹⁸ Там же. С. 911.

¹⁹ Там же. С. 913.

речь идет не о бытии, не о существовании. Но сейчас это не важно. Важно, что для Канта всеобщий предмет, или схема, есть своеобразный способ построения и что именно схема позволяет понять единичный предмет: «В действительности в основе наших чистых чувственных понятий лежат не образы предметов, а схемы»²⁰. И способ построения всеобщего предмета – это осмысленный Кантом мысленный эксперимент, сложившийся в Республике ученых в XVII веке.

Итак, получена чистая чувственность; она всеобща и потому позволяет приложить к ней категорию, а затем ее – к единичному предмету. Кант нашел выход из положения, он объяснил, как категории применяются к явлениям, и заодно ввел в познание духовно-практическую деятельность, опередив в этом Маркса.

Но Кант в первой «Критике» анализирует процесс познания также и совершенно по-другому: в этом случае познание не начинается с ощущений, хотя это вроде бы и невозможно. Новый парадокс заключается в том, что теперь ощущения представляют собой не свойства предметов, данных в опыте, т. е. а posteriori, а представлены в связи с а priori. «Если допустить, что существует нечто познаваемое а priori во всяком ощущении как ощущении вообще (хотя бы частное ощущение и не было дано), то оно заслуживает названия антиципации в необычном значении, так как особенно поразительной кажется способность предварять опыт в том именно, что касается материи опыта»²¹.

Действительно, как мы знаем, ощущения всегда эмпиричны, они не могут быть априорными, это нарушило бы весь замысел первой «Критики», да и вообще всей теории познания Канта. И тем не менее Кант это утверждает. Что имеется в виду? Для чего Канту требуется какое-то необычное а priori? Попробуем выяснить, что оно означает.

Известно, что ощущения указывают на *внешнее* воздействие, в результате чего они и возникают. Его осуществляет у Канта вещь сама по себе. Но она не а priori и не а posteriori, она – неизвестно что. Можно ли предположить, что еще что-то, кроме вещи в себе, осуществляет воздействие на восприятие? – Да, и Кант об этом прямо говорит: это некий предмет, предмет как таковой, но отличный от вещи в себе. Иными словами, в основе, или в подпочве ощущений, вообще лежит какой-то предмет. Мы знаем о нем, исходя из того, что ощущение всегда результат воздействия. И о таком воздействующем предмете нам известно даже не из эмпирии, а просто из убеждения в том, что ощущение должно иметь воздействующее содержание: «...реальное в ощущении как чисто субъективное представление, которое дает нам лишь сознание того, что субъект подвергается аффицированию, и которое относят к объекту вообще».²² Так как дело касается не разных ощущений, а ощущения вообще, то, скорее всего, речь идет о предмете вообще, о *предметности*. Это и есть представление а priori. Оно – о какой-то особой предметности, Кант называет ее *реальностью*; она налицо, пока есть ощущение; если ее воздействие на нас сильнее, то ощущение отчетливее, и наоборот. Но предметность сохраняется, пока ощущение не равно 0, пока оно есть. «Но то, что в эмпирическом созерцании соответствует ощущению, есть *реальность*... между реальностью в явлении и отрицанием существует непрерывная связь многих

²⁰ Кант И. Указ. соч. С. 259.

²¹ Там же. С. 295.

²² Там же. С. 293.

возможных промежуточных состояний, различие между которыми всегда меньше, чем различие между данным ощущением и нулем, т. е. совершенным отрицанием; иными словами, реальное в явлении всегда имеет некоторую величину, но не экстенсивную»²³. Реальное измеряется величиной, но особой, интенсивной.

Итак, мы видим, что Канту понадобился еще какой-то, кроме самой вещи в себе, предмет и что он вызывает впечатление интенсивной, а не экстенсивной величины. Это не вещь в себе, потому что реальное находится не вне ощущения, а в нем, как ни странно, хотя и *не совпадает* с ним. Повторим: «Следовательно, кроме созерцания (т. е. эмпирии. – Т.Д.), явления содержат в себе материал для какого-нибудь *объекта вообще*... то есть реальное в ощущении как чисто субъективное представление, которое дает нам лишь сознание того, что субъект подвергается аффицированию, и которое относят к *объекту вообще*»²⁴.

Но все же зачем Канту понадобился еще один объект, кроме самой вещи в себе? На некоторый ответ может натолкнуть интерпретация «реальности» и интенсивности в Марбургской школе неокантианства. Правда, в русской и отечественной философии на это трудное место у Канта – на связь ощущения и априори – никто не обратил внимания и не обращает до сих пор. Г. Коген же берет у Канта именно «реальность» и превращает ее в единственный предмет мышления, отбрасывая вещь в себе. У Когена все кантовские понятия переводятся в идеальный план, в мысленное пространство. «Реальное» воздействует на восприятие, но вызывает не ощущения – потому что они эмпиричны, а созерцание, чистое, конечно. Потом появляются категории, а вещь сама по себе превращается в идею, будучи чем-то безусловным, в идею задачи бесконечного развития знания; ощущения же у марбургцев не дают никакого знания, они попросту не нужны. Главное для Когена – толкование ощущения как бесконечно-малого, как ощущения не апостериорного, а априорного. Коген откровенно признается в том, что, хотя его система представляет собой кантианство, его задача в том, чтобы ревизовать кантовские взгляды, и считает, что Кант сам нарушил принципы трансцендентальной философии, а он, Коген, должен восстановить их. Ошибка Канта, по убеждению Когена, была в том, что он недостаточно сориентировался на науку; в ней же исходным пунктом не могли быть признаны ощущения. Ни Галилей, ни Ньютон, ни вообще кто-либо из ученых не исходил из ощущений. Ощущения в качестве исходного пункта познания признаются лишь дикарями и детьми, – думает он. Ученый же исходит из своих представлений о теоретической модели предмета. Она для него олицетворяет сам предмет, и другого предмета для него не существует. Как же возникает эта модель? Да так же, как возникают у математика все его фигуры – треугольники, трапеции, квадраты и т. д. – из созерцания, но вовсе не из ощущений. Ощущения, по Когену, не входят ни в логику познания, ни в ее преддверие – эстетику, как думал Кант. Ощущения лишь свидетельствуют о том, что человек с чем-то столкнулся, они лепечут (*stammeln*) об этом, но они не дают ответа и даже не задают вопроса о том, *что* это. Логика начинается с мышления; вообще мы должны признать, что когда человек мыслит, он имеет дело только с мыслимыми, мысленными предметами, мысленным содержанием. Но это означает, что мышление *само* создает свое

²³ Кант И. Указ. соч. С. 295.

²⁴ Там же. С. 293.

содержание. У Канта «мышление имеет свое начало в чем-то *внешнем*. В этом слабость оснований Канта, здесь почва для уклонения, для распада его школы»²⁵. Мы же, продолжает Коген, «начинаем с мышления, мышление не может найти никакого начала вне себя самого... Чистое мышление должно исключительно в себе самом привести чистое познание к созиданию»²⁶.

Мышление конструирует свой предмет, но сначала так, чтобы он был не *мышлением* о предмете, а именно *предметом* мышления. И такой путь предложил еще Платон: именно у Платона появляется *идея*, которая означает и *видение* (предмета), и понимание его *сущности*. Идея – прообраз всех эмпирических предметов и, следовательно, представляет собой *бытие*, которое можно видеть, созерцать умственным взором, но это особое бытие – бытие в мышлении. И Платон даже предложил такое бытие, указав на математические объекты. Коген согласен с ним: «Математические числа и формы являются первым видом нового, мыслимого бытия, бытия в мышлении»²⁷.

У Канта есть эмпирическое созерцание, вытекающее из данных ощущений; у Когена познание начинается сразу с чистого созерцания, которое создает предмет познания. Оно как бы ветвь чистого мышления и имеет особое значение «плавильного тигля», которое не заметил Кант. Оно – гипотеза, и именно оно создает предмет знания, поэтому правильнее было бы говорить, что мы знаем не предметы, но предметно. И вот такие-то предметы являются априорными, а не полученными из эмпирии (вспомним о кантовском *a priori* в основе ощущения). «Когда я конструирую треугольник, – пишет Коген, – представляя его в чистом созерцании, то он является *a priori*. Кто хочет спросить, является ли он также действительным, тот, очевидно, опускает *a priori*: он слышит, что треугольник строго необходим и имеет всеобщее значение, но все же он спрашивает, является ли он также действительно существующим»²⁸. – Да, конечно, он действительно существует, но, согласно Когену, его бытие это бытие в мышлении, новое бытие (правда, Кант его уже предположил в образе априорного предмета, добавим мы).

Предмет дан, и теперь начинается его познание – с помощью категорий и идей, когда вещь сама по себе превращается из эмпирической вещи в идею задачи, требующую бесконечного решения. Но Когену этого недостаточно; он хочет логически обосновать *право* мышления формировать свой предмет как отличный от него.

И вот тут появляется бесконечно малая величина. Она стремится к пределу, к нулю, никогда его не достигая. Но в то же время математик говорит: «Предположим, что предел достигнут» – и далее рассуждает, начиная с этого пункта. И Коген, вслед за ним, считает, что в бесконечно малой скрывается тождество бытия и мышления и в то же время их несовпадение (т. к. она не может достичь нуля). Мышление никогда не совпадает с бытием, как бы полно его ни знало, – и тем не менее совпадает с ним.

Основание того, что мышление создает свой предмет, его бытие, коренится в первоначальном элементе мышления: это первоначало мышления, его *Ursprung*. В бесконечно малой величине выражены: элементарная клеточка мышления, бытие, превращающееся в мышление; их совпадение, их несовпадение. В этом понятии, по Когену, скрыты тайна и исток логики вообще.

²⁵ Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1922. S. 12.

²⁶ Ibid. S. 13.

²⁷ Cohen H. Kant's Theorie der Erfahrung. 3. Aufl. Berlin, 1918. S. 14.

²⁸ Cohen H. Kant's Theorie der Erfahrung. 2. Aufl. Berlin, 1885. S. 133.

У Канта бесконечно малая величина, как полагает Коген, не нашла себе подобающего места; если бы он внимательно продумал ее, «чувственность не была бы предпослана мышлению, и чистое мышление не было бы поколеблено в своей самостоятельности»²⁹. Согласно Когену же, все математическое естествознание – и физика, и математика – основывается на ней. Логика также должна осознать эту свою главную задачу. Если логика не осознает ее, это будет означать, что она не опирается на новую науку, науку XX века, и что она не сделала со времени Аристотеля ни одного шага.

Для греков первоначально была абстракция какого-либо вещества (воды, огня, воздуха); «но вскоре это место займет бесконечно малая как новый, истинный вид первоначала... Мышление есть мышление первоначала»³⁰. И логика должна быть логикой первоначала. Это новая форма логики, соответствующей новой науке. Если этот фундамент не будет принят, судьба логических проблем не будет разрешена.

Коген считает, что бесконечно малая величина не только математическое понятие, но и философское, и упрекает Канта в том, что из-за невнимания к ней его философия многое утратила в своей трансцендентальности. Согласно Когену, мышление должно не извне брать свое содержание, а само сформировать его, и элементарной клеточкой такого производящего мышления служит бесконечно малая величина. Она – начало и мышления, и бытия. Так решает Коген важную проблему познания. Какую же? – В частности, проблему статуса предмета мышления. О ней же думал и Кант, предположив априорность ощущения.

Эта проблема – неустранимая и трудная для всей новоевропейской философии, прежде всего немецкой классической. Над ней мучился и по-своему решал ее каждый философ. Решали ее современники и последователи Канта, и Кант знал ее. Он, конечно, не знал Когена, но он знал Фихте, Якоби и многих других. Дело заключается в выяснении того, что представляет собой предмет знания. Если предмет, который мы познаём, о котором мы мыслим – мысленный, он должен находиться в мысли, хотя и как-то отличаться от нее. Если же он находится вне мысли, то он немысленный, в этом случае о нем нельзя мыслить, нельзя его познать. Кант, как известно, принял второе решение, предложив непознаваемую вещь саму по себе, но он не отказался и от первого. Его тревожила мысль о том, что, по-видимому, разрыв между предметом и мышлением должен воспроизводиться в самом мышлении, что внутри мысли мысленный предмет должен противостоять мысли о нем. Это и привело его к включению в познание реальности и особого ощущения, но дальнейший путь он проследить не захотел. Обратим внимание на то, что таким решением Кант гениально угадал еще одну парадоксальность мышления – оставаться собой, лишь выходя за свои пределы к иному, к предмету мысли.

Само понимание мышления, исходя из всех этих предположений, у Канта радикально изменяется. Мы уже коснулись значения индуктивного и дедуктивного движений мысли, показав их недостаточность. Если, следуя за Локком, мы примем, что путем индукции получаем общее понятие, то, по Канту, это не будет истинным утверждением, так как индукция дает только относительную всеобщность, поскольку число случаев здесь не бесконечно. Приложение готовых всеобщих понятий к явлениям подразумевает их применение,

²⁹ Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. S. 35.

³⁰ Ibid. S. 36.

но лишь предположительно, ибо непонятно, откуда взялись такие всеобщие выводы. Кант разрешил эту трудность, включив в мышление продуктивную способность воображения.

Кант не устранил и дедуктивного движения мысли, исходящей из бесспорных оснований, но бесспорными для него стали другие основания: явление и его свойства. И сама дедукция тоже ограничивается воображением. Таким образом, ни индукция, ни дедукция не были признаны Кантом надежными источниками всеобщего знания; им стало продуктивное воображение и построение предметов, что было глубоким осмыслением эксперимента и мысленного эксперимента.

На фоне обычных логических рассуждений это выглядело непонятным и потребовало изобретения новой трансцендентальной логики. Но – и здесь Кант опять первооткрыватель – между «мыслить» и «познать» пролегает большое расстояние. Оно связано с тем, что он назвал термином «безусловное».

Кант имеет в виду знание как единый процесс, т. е. безусловный, завершённый, но у человека познание обусловлено чувственностью. Значит, безусловное лежит за границами человеческого познания. Мы помним, что это идея, не имеющая предметности. Кант располагает там, в частности, веру и пишет в Предисловии ко второму изданию: «Я хотел ограничить знание, чтобы дать место вере». Для Канта вера понимается главным образом в контексте нравственности. Для него человек хотя и познающее существо, но не только. Важный вопрос, определяющий человека, с точки зрения великого философа, звучал так: «На что я могу надеяться?». По Канту, этот вопрос и есть нравственный; ведя нравственную жизнь, человек может надеяться на благое пребывание за гробом. Главой же морального царства для Канта является Бог. Но он не определяет ни нравственность, ни познание. Человек автономное и познающее, и нравственное существо. Однако Кант фактически указывает еще на одно очень важное состояние за пределами и познания, и нравственности.

Дело в том, что, как уже упоминалось, познание всегда ориентировано на человека, на его нужды, требования, цели. Но существование природных предметов шире человеческих потребностей; они существуют в природе как предметы, взаимодействующие с огромным количеством других предметов, как самостоятельные предметы. Тогда и получается, что вещи (предметы) имеют значение *безусловного* за пределами знания, т. е. когда мы их *не знаем*. Кант так и формулирует: «...безусловное должно находиться не в вещах, поскольку мы их знаем (поскольку они нам даны), а в вещах, поскольку мы их не знаем (т. е.) как в вещах самих по себе...»³¹. И это – вовсе не агностицизм; это утверждение бесконечной природы за границами человеческого бытия. Таким образом, Кант не только намечает, но и разрабатывает ряд новых подходов к человеку и его знанию.

Повлияли ли разработки Канта на последующие попытки истолковать познание? Конечно, и влияют до сих пор. В вышедшей в 1967 году книге «Анализ развивающегося понятия» трех авторов³² разбирается простейшая клеточка мышления – понятие. Как считают авторы, оно внутренне расщеплено: одну его часть составляет идеализованный (мысленный) предмет, другую – понятие, или идея этого предмета. Идеализованный предмет

³¹ Кант И. Указ. соч. С. 23.

³² Арсеньев А.С., Библиер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967.

образуется построением модели изучаемого предмета; скорее всего, средством для этого можно принять кантовское продуктивное воображение. В идее же сконцентрированы представления исследователя о сущности данного, представленного в мысли предмета. У Канта это чистый чувственный предмет, всеобщий предмет (например, что собака особое животное, она может бегать вслед за человеком, махать хвостом, служить ему, любить его и т. д.). Изменение сущности влечет за собой изменение предмета, его облика, его фигуры. Что является при этом определяющим? Вероятно, изменение предмета в процессе мысленного эксперимента, т. е. мысленного действия с предметом, его преобразования, в ходе которых меняется и понимание его сущности.

Мысленное действие с мысленным предметом как бы вклинивается между предметом и его идеей. Деятельность и здесь является определяющим моментом. «Мало сказать, что понятие внутри себя расчленено, несет в себе свой мысленный предмет – необходимо постоянно учитывать, что понятие имеет вне себя свой реальный предмет, свое объективное содержание. Понятие несет в себе осознание его *внешности* нашему сознанию и вместе с тем включает в себя идею, способ объяснения этого предмета, понимание его сущности, т. е. единство бытия и сущности»³³. Исключительно важно то, что признается необходимым сопоставление мысленной модели с самим реальным предметом. У Канта сопоставление идет по линии соотношения явления с самой вещью в себе, однако с ней нельзя сопоставлять иначе, как с чем-то неизвестным. Но как его представить? И можно ли представить внешний предмет иначе, чем неизвестное и безусловное? Эти трудности задают направление дальнейшей работе по изучению мыслительных процессов. Роль Канта здесь исключительно велика и освещает направление исследованию. Открывается и смысл историко-философской исследовательской работы. Она состоит в том, что, как показал М.М. Бахтин, историк должен отыскать в прошлом свою сегодняшнюю проблему и предложить собственное ее решение, а также вступить с прошлыми решениями, если они были, в спор. «Объяснение связи между идеализмом и конструктивизмом, – пишет Т. Рокмор, – проливает свет на центральную идею всего кантовского исследования относительно возможности знания. Чтобы лучше понять критическую философию Канта, мы должны понять, что он вносит в проблематику познания. Я утверждаю, что Кант прав, предполагая необходимость обращения к конструктивизму, но его собственная концепция позже будет дополнена более поздними интересными концепциями»³⁴. Опираясь на Канта, можно предположить, что интерес представит сопоставление предмета чистого чувственного созерцания и идеи, содержащей представление о сущности изучаемого предмета. Значение продуктивного воображения также потребует дальнейшего осмысления в плане понимания мысленной конструктивной деятельности. Включение Кантом деятельности (мысленной) в теорию познания представляет серьезное завоевание философской мысли прошлого и намечает дальнейшие пути анализа познания.

³³ Арсеньев А.С., Библиер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. М., С. 35.

³⁴ Rockmore M. Kant and Idealism. New Haven; L., 2007. P. 12.

Список литературы

- Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. М.: Наука, 1967. 438 с.
- Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М.: Политиздат, 1991. 412 с.
- Бородай Ю.М. Воображение и теория познания. М.: Высшая школа, 1966. 151 с.
- Длугач Т.Б., Ляткер А.Я. La République des Lettres и натуральная философия Исаака Ньютона // Философия эпохи ранних буржуазных революций / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова, Э.Ю. Соловьев. М.: Наука, 1983. С. 292–317.
- Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 2006. 1081 с.
- Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung, 2. Aufl. Berlin: Dümmlers, 1885. 616 S.
- Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung, 3. Aufl. Berlin: Cassirer, 1918. 856 S.
- Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin: Cassirer, 1922. 612 S.
- Rockmore T. Kant and Idealism. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 2007. 286 p.

On several strange statements in *The Critique of Pure Reason*

Tamara B. Dlugach

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: dlugatsch@yandex.ru

The author explores several insufficiently clarified places in Kant's first Critique. One such place is a passage that deals with the problem of synthesis. It is known that in order to obtain the object of knowledge, one must unite all sensations. Synthesis is responsible for this. However, on closer inspection, it turns out that synthesis is nothing more than a productive force of imagination. The author argues that the idea of this force represents Kant's understanding of the thought experiment, which was formed in science in the middle of the 17th century. A further consideration shows that the productive imagination is essentially reduced to the mental construction of an object; this mental construction is the only reason why we understand the object. However, in order to build an object, one needs to know it, and in order to know it, one needs to build it. This logical circle was not resolved by Kant. Further, the impact of the productive imagination is seen in the construction of an object of pure sensory contemplation. The author argues that this object is nothing but the "universal object", that is, a model for all individual sensory samples. The mental construction of such an object is a scheme, i.e. a construction of an object along the most essential lines of its existence. The universal object reveals the essence of the mental object as an object of cognition. Finally, the relation between *a priori* and a particular sensation as an intense magnitude is argued to be associated with Kant's desire to present the object of cognition as an object within thought, which is not identified with the thought. However, for Kant only the opposite approach is acceptable, according to which the mental object appears only as an impression of a thing acting from the outside, that is, as a phenomenon. Yet Kant also outlines another solution proposed by a number of thinkers of his time. Kant does not develop it, because he is completely satisfied with representation (*Vorstellung*), which relates to the idea, according to which the mental space is completely filled with all mental elements – the pure sense object, concepts, and the categories. He merely identifies it. Kant, thus, provides a completely original approach to the process of cognition. The author shows that Kant's influence can also be seen in our time. In order to appreciate this influence one must clarify the notion of the mental object and identify the characteristics of the thing that acts from the outside.

Keywords: sensation, productive imagination, construction, the Intensive, the Extensive, *a priori*, schema, object of cognition

For citation: Dlugach, T. B. “O nekotorykh strannykh predpolozheniyakh v pervoi ‘Kritike’ Kanta” [On several strange statements in *The Critique of Pure Reason*], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 2, pp. 48–63. (In Russian)

References

- Arsenev, A. S., Bibler, V. S. & Kedrov, B. M. *Analiz razvivayushchegosya ponyatiya* [Analysis of the developing concept]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 438 pp. (In Russian)
- Bibler, V. S. *Ot naukoucheniya k logike kul'tury* [From the science of knowledge to the logic of culture]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 412 pp. (In Russian)
- Borodai, Yu. M. *Voobrazhenie i teoriya poznaniya* [Imagination and theory of knowledge]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1966. 151 pp. (In Russian)
- Cohen, H. *Kants Theorie der Erfahrung*, 2. Aufl. Berlin: Dümmler, 1885. 616 S.
- Cohen, H. *Kants Theorie der Erfahrung*, 3. Aufl. Berlin: Cassirer, 1918. 856 S.
- Cohen, H. *Logik der reinen Erkenntnis*. Berlin: Cassirer, 1922. 612 S.
- Dlugach, T. B. & Lyatker, A. Ya. “La République des Lettres i natural'naya filosofiya Isaaka N'yutona” [La République des Lettres and Isaac Newton's natural philosophy], *Filosofiya epokhi rannikh burzhuanzykh revolyutsii* [Philosophy in the era of the early bourgeois revolutions], ed. by N. V. Motroshilova and E. Yu. Solovov. Moscow: Nauka Publ., 1983, pp. 292–317. (In Russian)
- Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], in: I Kant, *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian], ed. by N. Motroshilova and B. Tuschling, Vol. II, Pt. 1. Moscow: Nauka Publ., 2006. 1081 pp. (In Russian)
- Rockmore, T. *Kant and Idealism*. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 2007. 286 pp.